

«KARATSCHAJISCHE STUDIEN» ВИЛЬГЕЛЬМА ПРЁЛЕ: СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ

«Karatschajische Studien» by Vilmoß Pröhle: Structure and Contents

S. K. BASHIEVA* & R. S. ALIKAEV** & M. R. TOGUZAEVA***

Резюме: Статья посвящена работе известного австро-венгерского тюрколога В. Прёле «Karatschajische Studien» как памятнику истории карачаево-балкарского языка. В статье отмечается необходимость филологического анализа данного исследования для его учета при реконструкции этапов развития карачаево-балкарской филологии и ее истории. В. Прёле включил в «Karatschajische Studien» лингвистический очерк карачаевского варианта карачаево-балкарского языка, состоящий из разделов фонетики и морфологии, фольклорных и этнографических этюдов, словаря, которые, безусловно, представляют научный интерес для широкого круга ученых в области истории языка, фольклора, культуры и быта карачаевцев в начале XX столетия. В данном объемном исследовании В. Прёле дал системное описание фонетических, морфологических, синтаксических особенностей карачаевского варианта карачаево-балкарского языка, впервые составил, всесторонне описал и ввел в научный оборот системно структурированный словарь, отражающий совокупность лингвокультурной информации, важной для понимания этнической картины мира карачаевцев в ее историческом развитии. Статья имеет как теоретическую, так и практическую значимость. Полученные в ней результаты могут быть учтены и использованы при исследовании особенностей становления карачаево-балкарского языка в диахроническом плане.

Makale Gönderim:

09.10.2015

Kabul Tarihi:

10.12.2015

Ключевые слова: В. Прёле, карачаевские штудии, карачаево-балкарский язык.

---

* Bashieva Svetlana K. (Башиева Светлана Конокбиевна).-Ddoctor of Philology, professor, head of the Russian Language and General Linguistics Chair of Kh.M.Berbekov Kabardino-Balkarian State University(Russia). E-mail: bfo-pdo@mail.ru

** Alikaev Raşid S.(Аликаева Рашида Султановича) Doctor of Philology, professor, head of the German Language Chair of Kh. M. Berbekov Kabardino-Balkarian State University (Russia). E-mail: ralikaev@mail.ru

*** Toguzaeva Mirrat R. (Тогузеева Миррат Рашидовна) PhD in Philology, associate professor of the Foreign Languages Chair of Kh.M.Berbekov Kabardino-Balkarian State University (Russia). E-mail: ralikaev@mail.ru

Abstract: *The article is devoted to the work of the famous Austro-Hungarian Turkologist V. Pröhle «Karatschajische Studien» as a monument to the history of Karachai-Balkar language. The paper accentuates the necessity of philological analysis of this research for its consideration when reconstructing the stages of the development of the Karachai-Balkar Philology and History. V. Pröhle's «Karatschajische Studien» presents a linguistic essay of the Karachai variant of Karachai-Balkar language, consisting of sections of Phonetics and Morphology, folklore and ethnographic studies, dictionaries, which are certainly of scientific interest for a wide range of scientists in the field of the history of language, folklore, Karachai culture and life in the early twentieth century. In his research V. Pröhle gave a systematic description of phonetic, morphological, syntactic features of Karachai variant of Karachai-Balkar language; he was the first to comprehensively describe and introduce into scientific circulation a systematically structured vocabulary that reflects the totality of the linguistic information important for the understanding of the historical development of the world view of ethnic Balkars. The article has both theoretical and practical significance. It can be made use of in further studies on the peculiarities of the formation of Karachai-Balkar language in diachronic terms.*

Key words: *V. Pröhle, Karatschajische Studien, Karachai-Balkar language.*

Перед исследователями карачаево-балкарского языка стоят серьезные задачи по изучению памятников его истории, к числу которых можно отнести и работы Вильгельма Прёле «Karatschajische Studien» / «Карачаевские штудии» и «Balkarische Studien» / «Балкарские штудии» (Pröhle, 1909; Pröhle, 1914-1916). Необходимо отметить, что многочисленные ссылки на них в исследованиях филологов и историков не позволяют в полной мере судить об их истинной научной и практической ценности.

Как известно, до Октябрьской революции вопросы истории, этнографии, языка карачаевцев и балкарцев рассматривались эпизодически и не были объектом системного описания. В данном аспекте особую ценность представляют работы немецкого ориенталиста Ю. Клапрота, венгерского тюрколога В. Прёле, русского лингвиста Н.А. Караулова и других, которые дают нам представление о языке, фольклоре и этнографии карачаевцев и балкарцев. В этой связи мы обратились к тексту «Карачаевских штудий», полученному одним из авторов данной статьи из библиотеки Боннского университета (ФРГ), Университета Мачерата (Италия), библиотеки Конгресса США, благодаря помощи наших коллег Витторио Томеллери и Н. Бондарко.

Согласно биографическим сведениям, В. Прёле – первый зарубежный ученый, начавший научное описание карачаево-балкарского языка. Он по приглашению академика В.В. Радлова, председателя Русского комитета Международного Средне- и Восточно-Азиатского исследовательского общества, приехал на стажировку с целью сбора филологического материала по трем тюркским языкам, в том числе и карачаево-балкарскому языку. В это же время в Дагестане венгерский языковед Юлиус Немет собирал материал по кумыкскому языку, в Чувашии – Дюла Месарош по чувашскому языку.

Известно, что большая часть собранного В. Прёле фактологического материала по карачаево-балкарскому языку, включающего сведения о языке, фольклоре и этнографии, опубликована в X, XV и XVI томах журнала «Keleti Szemle» («Восточное обозрение») за 1909-1916 гг. в виде параллельного карачаево-балкарско-немецкого текста.

Безусловно, «Карачаевские штудии» сегодня представляют огромный научный интерес прежде всего как богатый и системно структурированный источник, позволяющий рассмотреть проблемы карачаево-балкарской филологии в историко-культурном плане. Они включают в себя как тексты разножанровых произведений устного народного творчества, так и уникальные очерки фонетики, грамматики карачаево-балкарского языка, а также словарь. Известно, что в период пребывания в Карачае В. Прёле изучил карачаевский язык при помощи учеников мусульманской школы Мурата Аджиева и Мазана Тамбиева, которые также выступали в качестве информантов собранного им фактологического материала и посредниками в его общении с носителями карачаевского языка.

«Карачаевские штудии» В. Прёле, как и «Балкарские штудии», никогда не были объектом научного изучения, а тем более коллективного обсуждения. Впервые фрагменты фольклорной части были опубликованы в 1983 году в книге «Карачаево-балкарский фольклор в дореволюционных записях и публикациях» с комментариями А.И. Алиевой, транслитерацией и переводом балкарских текстов на русский язык – Т.М. Хаджиевой, карачаевских текстов – А.А. Джаппуевым. Их заслуга неопределима, так как они открыли не только отечественным читателям, но и ученым новые текстовые материалы. «Публикации В. Прёле, – отмечает А.И. Алиева во вступительной статье к изданию, – занимают исключительное место среди сохранившихся до наших дней дореволюционных записей карачаево-балкарского фольклора, ибо содержат тексты на языке оригинала. В силу этого они представляют несомненный интерес не только для фольклористов, но и для лингвистов» (Karachaevo-Balkarskiy Folklor, 1983. С.27).

Однако даже поверхностное сопоставление опубликованных материалов с оригиналом, полученным из указанных выше библиотек, показало, что «Карачаевские штудии» нуждаются в глубоком научном осмыслении как памятник истории карачаево-балкарской филологии. В этой связи задачей настоящей статьи является постановка отдельных проблемных вопросов для последующей тщательной работы над первоисточником и обоснования лингвистической значимости исследования В. Прёле.

Данная работа представляет интерес и в том, что впервые в научный оборот вводятся оригиналы текстов в полном объеме, в отличие от существующих в настоящее время фрагментов, представленных с нарушением структуры и содержания оригинала. Подобный подход к изучению и презентации памятника истории языка открывает новое исследовательское поле для ученых, которые получают аутентичный материал в той форме, в которой он зафиксирован более 100 лет тому назад. Особую значимость для исследователей имеет транскрипция устного языка, отражающая особенности обиходно-разговорного языка начала XX столетия.

Структура представленного В. Прёле материала включает:

Karatschaische Laut- und Formenlehre / Очерк фонетики и грамматики карачаевского языка (Р.215-135), который на русском языке не издан. В нем отражены фонетические и грамматические особенности карачаевского варианта карачаево-балкарского языка.

В первой части очерка Вильгельм Прёле вводит 38 транскрипционных знаков для выражения звукового состава карачаевского варианта карачаево-балкарского языка: a, b, c, č, d, e, f, g, ʏ, h, χ, i, ĭ, j, k, k', q, q', l, m, n, ŋ, o, ö, p, p', r, s, š, t, t', u, ů, v, w, z, ž, ẓ̌, дает характеристику качеству каждого звука в различных позициях его функционирования. Он затрагивает проблемы классификации

звуков, останавливается на их артикуляционных особенностях. Описание фонетики, проведенное В. Прёле, дает нам основание считать, что это была первая попытка научного описания звуковой системы карачаево-балкарского языка, безусловно, заложившая основы теоретической разработки данного раздела карачаево-балкарского языкознания.

Во второй части очерка В. Прёле рассматривает части речи: имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, местоимение, глагол. Интерес для изучения истории карачаево-балкарского языка представляют прежде всего грамматические особенности, зафиксированные исследователем. Даже краткий сравнительный анализ представленного им грамматического описания с современной грамматикой карачаево-балкарского языка позволяет вести речь о тех изменениях, которые произошли в карачаево-балкарском языке в течение одного века. В частности можно проследить эволюцию морфолого-синтаксических особенностей карачаево-балкарского языка, реконструировать состояние карачаевского варианта языка, в том числе и живой устной речи, образцы которой сохранились в текстах, записанных В. Прёле.

Кроме того, следует отметить, что наличие фонетических, грамматических вариантов в представленных В. Прёле произведениях, а также в словаре свидетельствуют о том, что в карачаево-балкарском языке начала XX века сосуществовали древние общетюркские вариативные формы, одна из которых соотносится с рудиментами, находящими свое отражение в обиходно-разговорном языке, как, например,

формы множественного числа имен существительных: таула–таулар, адамла–адамлар, талала–талалар, атла – атлар, итле–итлер, юйдегиле – юйдегилер, карачайлыла–къарачайлылар, анала–аналар, къушла–къушлар; джырлар, кюйлер, кюллер;

местоименные формы: кимле – кимлер, була – была и т.д.

глагольные формы: келесе – келесен, суймегеллер – суймегенле, тыйаллар – тыйлла, къалама – къаламан – къаламын, къаласа – къаласан – къаласын – къалсалар, къоркъмайдылар – къоркъмайдыла, болдулар;

формы послелогов: ючю – ючюн, была – бла и т.д.

Среди представленных выше грамматических форм слов особый интерес вызывает древняя общетюркская форма множественного числа -лар/-лер (как специализированная форма, которая встречается лишь в фольклорных текстах), которая на сегодняшний день употребительна в карачаево-балкарском языке в усеченной форме (-ла/-ле).

В целом данный материал представляет собой богатый источник, позволяющий выявить особенности становления синонимических форм как

конкурентных образований в процессе становления нормы карачаево-балкарского языка в описываемый период. При этом отметим, что вариативность форм зависит, как показывает анализ фольклорных произведений, этнографического материала, от языковой личности рассказчика. Так, в сказках преобладают клишированные разговорно-бытовые формы, в некоторых лирических песнях – общетюркские формы и русицизмы, на выбор которых, вероятно, существенное влияние оказывали фоновые знания и социокультурный уровень адресанта.

Полагаем, что анализ примеров устной разговорной традиции позволит осветить и грамматические факты общенародного языка, то есть языковую действительность того периода, а также проследить этапы становления и развития фонетических и морфологических норм.

Особый интерес представляет и такой аспект, как пространственная картина мира карачаевцев и балкарцев в начале XX века, в частности географические наименования, личные имена – для ономастических исследований как фрагменты концептуального мира карачаевцев и балкарцев. В материалах В. Прёле зафиксированы древние формы карачаевских фамилий, представленные в таких вариативных образованиях: Салпагар – Салпагарла, Чотча – Чотчала, Акъмакъ – Акъмакъла, Чома, Ижа, Жамбекле, наряду с употребительными сегодня формами: Салпагарлары, Чотчалары, Акъмаклары, Чомалары, Ижалары, не используемые ныне или редко встречающиеся женские имена: Абап, Балду, Балдан, Балли, Чабы, Сыйлыхан, Тана, мужские имена: Чопан, Акъбай, Дебош, Гапалау, Кёкез, Къату, Махра, Семен, географические наименования: Ахметовски «казачья деревня на Кубани», Акъ-къала «город на Кубани», Ысхауат «карачаевское село», Бахсан «Баксан», Гегин «река в районе Майкопа», Кырым «Крым», Къобан «Кубань», названия этносов: балкъар «балкарец», черкес «кабардинец», къумукъ «кумык», тау къумукъ «горный кумык», тюз къумукъ «равнинный кумык».

В «Карачаевских штудиях», помимо грамматического очерка, представлены в последующем разделе разнообразный фольклорный и этнографический материалы, что, безусловно, имеет огромную научную ценность, открывает новое исследовательское поле как для фольклористов, так и для лингвистов.

В наши задачи в соответствии с заявленной темой не входит анализ этих произведений, тем не менее мы перечислим фрагменты, включенные В. Прёле в раздел «**Karatschajische Texte**» / «Карачаевские тексты».

2. Karatschajische Texte. S. 235-304 //Карачаевские тексты (с.235-304):

А) Sprichwörter / Пословицы. Этот раздел состоит из 16 пословиц и поговорок, как, например: 1. *Ашыкъкъан суу тенгизге джетмез.* 2. *Къартны бурнун сюрт та оноугъа тут.* 3. *Джарлыны чырагъы мутхуз джанар.* 4. *Эртте*

тургъанны эркек-аты тай табар. 5. Акърын аякъ тап басар и др. (Здесь и далее все формы даны в варианте оригинала – Башиева С.К., Аликаев Р.С.).

В) Rätsel / Загадки, включающие шесть единиц:

Не барама, не барама, балта узуну баралмайма. – Турмен-таш.

Суугъа кирсе бир бола, суудан чыкъса минг бола. – Ат-къуйругъу.

Таш тюбюнде мыйала-мынчакъ. – Чабакъ.

Сууда туады, джерде джашайды, анасын кёрсе ёледи. – Буз.

Башы тешик, тюбю тешик, ортасы от была суу. – Самовар.

Биз аннга къарай, ол кёкке къарай. – Лампа.

В данном разделе обращают на себя внимание две последние загадки, ответы на которые отражают процесс активного проникновения русского языка в такой исконно этноспецифический жанр, как загадка.

С) Lyrische Volkslieder / Лирические народные песни. Этот

раздел состоит из 34 куплетов, из которых в издании «Карачаево-балкарский фольклор...» 4, 6, 8, 10, 11, 13, 14, 20, 26-30, 33, 34 куплеты отсутствуют. Кроме того, ссылки на страницы оригинала не всегда совпадают, например, вместо 241 страницы указана 242 страница. В качестве примера можно привести следующий фрагмент:

Къап-къара ды къашларын,
кюмюш-мыйала кёзлерин;
Къуранны хаттын айтхаллай
аузунгнан чыкъкъан сёзлерин.

Сорсам, хапар айтады
кёкте баргъан кёгюрчюн;
Петербургъха деричин
барырем сени кёрюр'чюн....

Д) Epische Volkslieder / Эпические песни. Раздел состоит из шести песен:

1. Абап/ Абап – из двух частей (а и б), состоящих соответственно из 29 и 12 строк. Песня отсутствует в указанном выше издании. В качестве примера приведем отрывок:

a)

Юйюбюзню артында юч терек,
юйюбюзге тиреу болгъай эди!
ол акъ-танглай, саз-бет джаш
анама кюйёю болгъай эди!
Къарылгъачым, къайдан уча келесен
къанатларынгы талдырып?
бир ёлгеннен сонгра кимни кёргенсиз
орус дохтурлагъа дарман салдырып, сау болуп?...

2. Salpaýarlanı Gapalaunu žiri / Салпагъарланы Гапалауну джыры. Песня состоит из состоит из двух частей (а и b), каждая из которых соответственно из 22 и 6 строк. В качестве примера приведем следующий отрывок:

a)

Къара кюллер мангнга келген заманда
нёгерлерим хомух болдулар, амалла:
тогъуз гйаур мангнга джетхен заманда
ыстауатта къачып бугъуп къалалла....

3. Qanamatn i žiri / Къанаматны джыры состоит из 26 строк. В качестве примера приведем отрывок:

Ойра, Алий-улу, тулпар туугъан Къанамат!
тёрт санынгнан бирча уруп къан агъады!
Сени сойгъан Учкъулан-эл джамагъат.
Иги-сагъан бурун кибик эки айны джашар эди
Мёлехангнга терс-къобузну тарттырып,
Къанаматха къара перданны аттырып,
Къашту-улу Къаспотха джырлар, кюйлер айттырып,
джаш Кёкезни джаш-джумушха чаптырып....

4. Ujasni žiri / Ильясны джыры. В издании «Карачаево-балкарский фольклор...» (Нальчик: Эльбрус, 1883) отсутствует. Песня состоит из 32 строк. Приведем фрагмент песни:

Анамдан туугъанлы Къобанны бойнунда атлы болуп джюрюдюм,
бу джол болмаса,къойан чыкъмагъан эди джолумдан,
тюз закон была сары гйаурла мал тутмагъан эди къолумдан.
Окъ тийгенде алтын-сагъатым чачылып тюшкенди къолумдан.
джыйырма была сегизден азны сюрмей эдим
аргъы Лаба была берги Гегинни бойнуннан.
Аллах юлюш этсин сыйлы дженнетлерни джолуннан!

5. Yörme / Джёрме в издании «Карачаево-балкарский фольклор...» опубликован под номером 4, в оригинале идет под номером 5, состоит из 31 строки, приведем отрывок из песни:

Къарачайдан чыкъкъанды зыччуу аскер
кеч была Акмакълагъа джыйылдыла;
Акмакъланы эски арбазгъа кючтен сыйындыла.
Акмакъланы Семенни алдыкъ джол-устагъа...

6. Solman /Солман. В издании «Карачаево-балкарский фольклор...» отсутствует, песня состоит из 29 строк. Приведем фрагмент песни:

Атха аруу джарашады кюмюш-ёшюллюк
келинин ойнатады Солман, башы кесиллик!

В целом и лирические, и эпические песни, записанные В. Прёле, как образцы многовекового устного народного творчества карачаевцев являются ярким отражением фрагментов этнической картины мира, содержащей важную для восприятия и понимания быта, нравов, мировоззрения, аксиологических установок, духовных ценностей карачаевцев в начале XX столетия лингвокультурную информацию, которая, полагаем, будет интересна в научном плане широкому кругу исследователей.

Е) Etnographisches/Этнографическое состоит из 8 частей, из которых в издании «Карачаево-балкарский фольклор...» опубликована часть (с пропуском абзаца g) № 7 без пагинации. Небольшой материал, записанный В. Прёле, содержит географические, этнографические, исторические, социологические и культурологические сведения, касающиеся быта, ареала проживания, численности, особенностей материальной, обрядовой и религиозной жизни карачаевцев.

F) Volksmärchen/ Народные сказки. Из 10 сказок в издании «Карачаево-балкарский фольклор...» опубликованы 8 сказок; в сказках № 1, 2 пропущены некоторые фрагменты, нарушено абзацное членение.

Следует отметить, что записанные В. Прёле сказки представляют научную

значимость не только как фольклорные произведения, но прежде всего как фрагменты специфической этноязыковой картины мира с особыми лингвокогнитивными моделями, отражающими ментальное пространство карачаевцев.

3. Словарь карачаевского языка, материал для которого был собран, как пишет сам В. Прёле во вводной части, летом 1908 года. Он включает в себя 1837 словарных статей на следующие буквы: а (148 словарных статей, с. 84-90), б (161 словарных статей, с. 90-96), с (1 словарная статья, с.96), ч (96 словарных статей, с.96-99), d (29 словарных статей, с. 99-100), е (54 словарные статьи, с.100-102), f (6 словарных статей, с.102), g (9 словарных статей, с.103), γ (18 словарные статьи, с.103), h (4 словарные статьи, с.104), χ (64 словарных статей, с.104-105), i (27 словарных статей, с.106), і (36 словарных статей, с.107-108), j (8 словарных статей, с.108), k (120 словарных статей, с. 108-113), q (236 словарных статей, с. 113-122), l (9 словарных статей, с.122), m (75 словарных статей, с.122-123), n (22 словарные статьи, с. 125), o (42 словарные статьи, с.125-127), ö (30 словарных статей, с.127-128), p (17 словарных статей, с.128), r (9 словарных статей, с.128-129), s (132 словарные статьи, с.129-133), ş (39 словарных статей, с. 133-135), t (207 словарных статей, с. 135-141), u (41 словарная статья, с.141-143), ü (18 словарных статей, с.143-144), w (5 словарных статей, с.144), z (17 словарных статей, с.144-145), ž (157 словарных статей, с.145-150).

Лексические единицы, зафиксированные в словаре, можно разделить на две группы: карачаевскую и заимствованную лексику. В первой группе особое место занимает пласт, содержащий лингвокультурную информацию о карачаевцах:

наименования одежды и аксессуаров: чарыкъ «чувык, тапочка», наряду со словом «чурукъ», чепкен «платье», кёрпе тон «мерлушковая шуба», къаптал «чекмень, казакин», шалбар «шаровары»;

нумеративы: апас «двадцатикопеечная монета»; двугривенный», аршин «аршин»;

названия месяцев: кьыркьауз «январь», луккола «апрель»;

этнографизмы: багъана «свая, столб, опора (дома)», къара багъана «основная опора (дома)»;

названия пищи: биялумукъ «мучная похлебка», боза «буза», хантуш «жидкая похлебка (из крупы, приправляется молоком, айраном и т.д.)», хычин «хычин», как «мамалыга», айран жау «масло, сбитое из айрана», чайкъагъан айран «пахта»;

наименования сословий: чанка «сословие между бием и ёзденом», хан «хан»;

названия дней недели: кюрге-кюн «вторник»;

названия болезней: чечек «оспа», чымылтыр «грыжа», кёме «корь»;

названия растений: чырчыкъ «цветок», чёплеу «подсолнух», даржана «рожь», кендир «конопля»;

названия животных: чочха «свинья»;

названия сельскохозяйственных орудий: кьалажукь «плуг».

Приведенные примеры отражают до известной степени специфику многомерного жизненного уклада карачаевцев, значительная их часть представляют собой в силу своей архаичности исчезающий культурно-исторический пласт в современном карачаево-балкарском языке.

Во второй группе обращают на себя внимание многочисленные заимствования из русского языка, фиксация которых свидетельствует о начале интенсивного взаимодействия карачаевского и русского языков в начале XX в. Это такие слова, как: пратакол «протокол», доктур «доктор», печ «печь», галошла «калоши», школ/ушкол «школа», пригауар «приговор», банк «банк», панатой «фаэтон», пердан «берданка», закон «закон», инарал/гинарал «генерал», самовар «самовар», лампа «лампа», писмо «письмо», ручка «ручка», салдат «солдат», аристан «арестант», барышна «барышня», гаспада «господа», разлука «разлука», канияк «коньяк», румка «рюмка», правлен «правление», муштукь «мундштук», мешина «машина», амбар «амбар», асмушка «осьмушка» (одна восьмая), бёчке «бочка», чёгюн «чугун», догит «дёготь», газет «газета», кристиан «христианин», курс «курс», мастер «мастер», станок «станок», палто «пальто», папрос «папироса», пара «пора», июн «июнь», разговорные фразы типа пашол чорт «пошел к чёрту» и т.д.

Как видно из приведенных примеров, представленных как отдельными лексическими единицами, так и словосочетаниями, все русицизмы получили в карачаевском варианте карачаево-балкарского языка фонетическую адаптацию, например, гинарал/инарал «генерал», аристан «арестант», бараза «борозда», экизамен «экзамен», ыстакан «стакан», кылас «класс», ышкаф «шкаф», в отдельных случаях можно вести речь и о морфологической адаптации типа «разлуканы тартайыкъ». При этом обращает на себя внимание то, что некоторые русицизмы функционируют наряду с имеющимися в карачаево-балкарском языке эквивалентами, например, бёчке – чыккыр «бочка». Некоторая часть русицизмов использована в песне «Абап», адресантом в которой является девушка, что обусловлено статусом адресата.

Анализ лексических единиц русского языка, встречающихся в основном в лирических песнях, показывает, что тематически они разнородны, отражают диапазон и специфику освоения карачаевцами иноязычных слов, в основном не имевших эквивалентов в родном языке, а также сферы их использования. Следует также отметить, что русицизмы придают зафиксированным В. Прёле произведениям устного народного творчества особый стилистический колорит. В целом заимствования из русского языка свидетельствуют не только о наличии контактов информантов с носителями русского языка, но и о владении ими в определенной степени сведениями географического, историко-культурного характера (Петербургъха, самовар, лампа и т.д.).

Знакомство со словарем, анализ словарных статей и материалов устного народного творчества вызывают различные вопросы, в том числе и такой, каким образом русицизмы попали в карачаево-балкарский язык, среди носителей которого лишь малая толика владела грамотой? Еще больше вопросов возникает при прочтении предложений типа «Qislovodsqi ponravicca etti-mi sanŋa? – Къысловодски понравивца этти-ми сангнга?» (досл.: Кисловодск понравился тебе?), свидетельствующих о начале интерференционных процессов в карачаевском варианте карачаево-балкарского языка начала прошлого столетия. Объясняется это смешение языков тем, что в конце XIX-начале XX вв. Кавказ, в частности Кавказские минеральные воды, как известно, активно осваивали как курортный регион, что оказало заметное влияние на многие стороны жизнедеятельности горского населения и т.д. Безусловно, карачаевцы, оказавшись в центре новой для них культурной среды, адаптировались к ней, о чем свидетельствует и язык некоторых произведений, записанных В. Прёле. В этот период именно русский язык являлся связующим элементом между представителями русского и карачаевского этносов, между русской культурой и традициями местного населения. Таким образом, курортное строительство положило начало долговременному сосуществованию двух языков и развитию национально-русского билингвизма, а карачаево-балкарский язык, как и другие региональные тюркские языки (кумыкский, ногайский), игравший к этому времени роль *lingua franca*, постепенно стал терять свою значимость как язык межэтнического общения на Кавказе.

Следует отметить, что в научных источниках, посвященных проблемам контактирования карачаево-балкарского и русского языков, этот период не нашел до сих пор своего отражения. Полагаем, что данная проблема станет в последующих наших работах объектом глубокого анализа, рассмотрения экстралингвистических (исторических, политических, культурных и иных) факторов, повлиявших на процессы контактирования, взаимодействия языков на заре зарождения современной письменной культуры у карачаевцев и балкарцев, выявления путей заимствования русской лексики, а также особенностей ее функционирования в карачаево-балкарском языке.

Большой пласт составляют арабизмы, отдельные из которых в современном карачаево-балкарском языке не используются: зиярат «паломничество», хукум «приговор», файхаммар «пророк», факир «нищий», фарк «различие», фатар «гостиница», фил «слон», гяур «иноверец», хариф «буква», хатт «шрифт», мерекеб «чернила», китап «книга», сохта «ученик», кьалам «ручка», кьагьыт «бумага», Инжил «Евангелие», кебин «саван». Как видно из приведенных примеров, заимствуются не только религиозные понятия, но и понятия школьного обихода, что свидетельствует о значимости арабоязычных медресе в становлении системы школьного образования в Карачае.

Особый интерес представляют названия месяцев по мусульманскому календарю, которые по известным причинам (процесс заимствования из арабского языка был связан с актуализацией в жизнедеятельности карачаевцев ислама, а вместе с ним и самого арабского языка и арабской культуры) полностью вытеснены из современного языка: рабиулаал «третий месяц», рабиуллахир «четвертый месяц», жумадилула «пятый месяц», жумадилухра «шестой месяц», ражжаб «седьмой месяц», шаабан «восьмой месяц», рамазан «девятый месяц», шаввал «десятый месяц», зулкаада «одиннадцатый месяц», зулхужжа «двенадцатый месяц».

Приведенные выше примеры являются свидетельством того, что в начале XX века заимствования из русского, арабского языков активно использовались в обиходно-разговорной речи карачаевцев.

Безусловно, огромный научный интерес представляет и сопоставление балкарских и карачаевских текстов В. Прёле для определения типологических черт в процессе становления языка и культуры.

На наш взгляд, предстоящая нам комплексная работа с «Карачаевскими студиями» В. Прёле позволит воссоздать состояние лексической, фонетической, морфолого-синтаксической системы карачаево-балкарского языка в начале XX века в рамках определенных жанров фольклора. Несомненно, она связана не только с переводом текстов на русский язык как с карачаевского, так и с немецкого языков, но и с их историко-лингвистической интерпретацией, системным анализом грамматического очерка, описанием функционально-стилистических особенностей текстов, сопоставлением бесписьменных грамматических форм с письменными грамматическими формами, установлением различий между ними, особенностями структурирования лексических средств.

Учет теоретического материала по карачаевскому языку, а также представленных разножанровых текстов и словаря позволят воссоздать картину карачаево-балкарского языка и его историко-культурных фрагментов в хронологической перспективе.

БИБЛИОГРАФИЯ

Karachaevo-Balkarskiy Folklor v Dorevolüsiionih Zapisâh i Publikasiyah/ Sostavitel, Vstupitelnaya Statya i Kommentarii A.İ. Aliyevoy. Nalçik, 1983. 432 s.

PRÖHLE W. (1909). Karatschajische Wörterverzeichnis //Keleti Szemle, Bd.X. Budapest, S.83-150.

PRÖHLE W. (1909). Karatschajische Studien// Keleti Szemle, Bd. X, Budapest, –S. 215-304. II. Karatschaische Texte. S.235-304.

PRÖHLE W. (1914/1915). Balkarische Studien// Keleti Szemle, №15. Budapest. S.165-276.

PRÖHLE W. (1915/1916). Balkarische Studien// Keleti Szemle, №16. Budapest. S.104-243.